

18+

Сабит Алиев

Долгая дорога домой

Сабит Алиев

Долгая дорога домой

«Издательские решения»

Алиев С.

Долгая дорога домой / С. Алиев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858032-1

Молодой человек, который однажды, поругавшись с родными, спешно уехал в другую страну, где нашёл свою настоящую любовь... Однако, тоска по дому и уже немолодым родителям не давала ему покоя... Вернуться и забыть о былых обидах заставила беда, заставшая его, как всегда, врасплох...

ISBN 978-5-44-858032-1

© Алиев С.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	24
Глава 8	26
Глава 9	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Долгая дорога домой

Сабит Алиев

Всегда говорите правду – только с ней вы обретете покой...
Сабит Алиев

© Сабит Алиев, 2019

ISBN 978-5-4485-8032-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Облака, укрывавшие месяц, уплыли прочь, и в небе снова засияла луна. Её отражение в реке Кура было похоже на счастливое, улыбающееся лицо. На почти безлюдной набережной бегали мальчишки-подростки и бросали в реку камни. Их звонкие голоса далеко разносились в тишине. Но вскоре исчезли и они.

Рядом со мной высилась карусель. Сейчас на ней кружился только ветер. Я любил по вечерам, втайне от родителей, ходить сюда, на берег, и долго смотреть на кристально чистую воду Куры, на железнодорожный мост и проносящиеся по нему поезда. Любил наблюдать, как они с грохотом пробегают мимо, вызывая в моей голове смутные образы другой, сверкающей всеми красками жизни. Мечтал поехать куда-нибудь в поезде и непременно поужинать в ярко освещенном вагоне-ресторане, где столики накрыты белыми скатертями. Мог часами наблюдать за поездами. Ещё тогда мне казалось, что однажды сяду в один из них и уеду далеко-далеко, в Европу. Помню, что хотел именно в Европу, мечтал увидеть людей, о которых так много читал в книгах: немцев, французов, испанцев...

Признаться, очень ждал той минуты, когда моего лица вновь коснется ветер, вечно дующий на набережной, когда вновь пройду по тем местам, которые так хорошо знал с детства. И вот этот день настал. Я снова увидел перед своими глазами родителей...

Я неподвижно стоял на берегу реки, с набухшими от слёз глазами, и смотрел то на луну, то на реку, снова ощущая неуловимую связь между ними. По реке проплыла пустая лодка, и течение тут же унесло её вдаль. Я вспоминал...

Бывают в жизни плохие дни, а бывают дни трагические. Тот день буду помнить всю жизнь. Мое тело ныло, в голове была тяжесть, словно туда налили свинца. При каждом повороте шеи чувствовал, как он медленно перекачивается внутри. Оставив мать с почти безжизненным телом бабушки, убежал на набережную, не мог больше смотреть, как мама тихо плачет, держа холодную руку своей матери. У бабушки случился глубокий инсульт. Все думали, что дни ее сочтены.

Каждое несчастье с близкими людьми заставляет нас взрослеть. Бабушка всегда была неотъемлемой частью нашей жизни, опорой для всех нас. Никогда в жизни не встречал такого преданного семье человека, как моя бабушка. Для неё все мы вместе были как кулак. «Пальцы сильно сжимаются в кулак, и тогда это сила. В крепкой семье один никогда не скажет дурного слова о другом и ни при каких обстоятельствах не предаст. У каждого из вас своё имя и своя судьба, – говорила нам бабушка, поглаживая нас по волосам тёплой рукой, – и каждый из вас гениален. Никогда не указывайте друг другу, что делать, пусть каждый найдёт свой путь сам».

Перед моими глазами все ещё стоит картина – бабушка лежит, ее глаза открыты, она хочет что-то сказать, но не может, руки вытянуты вдоль тела, ладонями наружу, будто она готова взлететь к Богу, где ее встретят ангелы. При взгляде на ее исхудавшие морщинистые руки я вдруг вспомнил, как каждое утро этими руками она разбивала яйца и резала зелень для традиционного завтрака – «кю-кю». Кю-кю (яичница с зеленью) мне совсем не нравилась, а бабушка говорила: «Хотите долго жить – ешьте зелень, сыр и хлеб из тандыра. В них есть природная сила». С удивительным терпением она учила нас разбивать яйца и не прокалывать при этом желтки... Помню, у меня никак не получалось, и мне нравилось, что желток вытекает, когда разбиваешь яйцо. Каждый раз бабушка говорила: «Джавад, ты не расстраивайся, у тебя все получится». Меня всегда удивляло, сколько же терпения может быть у человека? Ещё никак не мог уловить точное время варки, и тоже переживал из-за этого. Сейчас, вспоминая все это, улыбаюсь...

У воспоминаний есть одна хорошая сторона – они заставляют нас жить ради новых воспоминаний. Маме иногда снился ее давно умерший отец. Он все время звал бабушку к себе. А она

говорила ему: «Погоди немного, ещё не все внуки женились, дай мне порадоваться на них». Как же трудно сейчас моей маме... Она понимала, что бабушка вот-вот может покинуть нас. А ведь она единственная, кто был со мной все время, с самого рождения. Лицо матери всплыло перед моими глазами, когда я уходил – это было лицо опустошённого человека.

Собрав мужество в кулак, набрав в лёгкие воздуха, я пошёл обратно, но теперь уже спешил домой, всё ускоряя шаги. Нырнул в темный пешеходный тоннель, которым часто пользовался, чтобы сократить путь до дома. Войдя в дверь, увидел, что мама, вся в чёрном, сидит на краешке кровати, зажав в каждой руке по носовому платку. Она посмотрела на меня долгим взглядом, и её губы задрожали.

Отец вошел за мной в комнату и громким шепотом сказал: «Мне только что позвонили и сообщили, что Орхана задержали на границе. Через несколько минут отец снова появился в комнате, но теперь в выходном костюме с наградными планками, в белой рубашке. Обняв за плечи плачущую маму, отец горько сказал: «Беда не приходит одна».

– Ты куда? – в отчаяние прошептала мать.

– Туда, откуда звонили. Надо спасти сына.

Глава 2

За полгода до этих событий.

Тонкие, вьющиеся пряди волос Сабины колебались в воздухе, словно черные шёлковые нити. Орхан крепко держал её за руку, идя на полшага впереди неё, и задумчиво молчал, а она не сводила с него глаз. Вдруг перед ними перешли дорогу двое мальчишек, и один из них, не поднимая головы, сказал: «özür dilerim».

– Что он сказал? – спросила Сабина, с интересом наблюдая за ними.

– Он сказал «извините», – по-турецки ответил Орхан, оглядываясь вокруг.

– Какой красивый язык! Все время хочу его выучить, но не получается...

– Ты сначала свой родной язык, азербайджанский, выучи!

– А я слышала, что это один и тот же язык?

– Нет, язык похож, но не один и тот же.

– Свой тоже надо выучить, но не получается. Я училась в русской школе, и дома все говорят на русском, – смущенно сказала она.

– В Баку все говорят на русском.

– Тоже мне все, не больше половины населения, – поправила она его.

– А я здесь впервые, и мне здесь не нравится, – проигнорировав последние слова Сабины, Орхан протянул ей крепкую руку и снова взял её тонкую и нежную ладонь.

– Пошли, – он шагнул вперёд, увлекая её за собой.

– Здесь – это где? – уточнила она, идя вслед за ним.

– Улица, – ответил он сухо.

– Понятно, а чем не нравится?

– Мне не нравится всё старое и грязное, как эта улица. Ещё эти туристы! Как они меня бесят! – сказал он громко. – И что их так тянет сюда? Поглазеть на эти развалины?!

Каждый видит то, что ему интересно, подумала Сабина.

– Жарко, давай пойдем помедленнее, – попросила она. – Ты так сжал мою ладонь, что почти сломал мне пальцы!

– Извини, – он ослабил хватку, остановился и снова осмотрелся вокруг, потом сказал:

– Вот, здесь хорошо.

– Могучий, воинственный, гордый, сказочный и великий город Стамбул, – торжественно произнесла Сабина.

– Нравится тебе?

– Да, мой Стамбул самый красивый город на свете, ещё вчера мне казалось нереальным побывать в нём, а сегодня моя мечта осуществилась, – сказала она, указав рукой на Босфор. – Вот бы здесь родиться и жить... Как прекрасно просто ходить каждое утро по улицам Стамбула! Сплошное эстетическое удовольствие!

Она мечтательно улыбнулась, закрыв глаза.

– Женщины во всем ищут эстетику, – буркнул Орхан.

Сабина подняла руки и закружилась на месте.

– А чайки? Представь, чайки будут сопровождать тебя всю жизнь. Как чудесно! – с восторгом вздохнула она.

– Что в этом чудесного? – слегка раздраженно спросил он, не понимая ее бурной реакции.

– Я влюбилась...

– А я надеялся, что ты любишь только меня! – сказал он уверенно.

– Я влюбилась в город! Такое у меня впервые, Орхан. В этот загадочный город, город восточной любви и сказки...

Глава 3

– Ты могла бы умереть за меня? – спросил он, смотря на величественный Босфор.

– Да, могла бы, – ответила она, не раздумывая.

Её ладонь на ощупь нашла его руку. Они сидели бок о бок на скамейке, так близко друг к другу, что она прижималась к нему всем телом.

– А почему ты спросил?

– Просто, – ответил он тихо, слегка осипшим, будто взволнованным голосом. – Это очень трудный вопрос, но именно на него люди должны отвечать, не раздумывая.

Он искоса посмотрел на неё, и на её лице засияла улыбка.

– Я могла бы, – уверенно произнесла она, сжимая его сильную руку. —А ты за меня наверняка нет...

Она вытянула шею, подставляя лицо ещё теплому осеннему ветерку.

– Главное, – добавила она, – это уверенность в своих чувствах. Во всяком случае, для меня именно так.

Он задумался и заглянул в самую глубину её глаз, словно хотел запомнить их навсегда.

– Ты, – медленно произнёс он, – очень счастливый человек.

– Почему?

– Потому что знаешь, что ты можешь, а чего нет. Если знаешь, что можешь умереть за любимого человека, значит, ты по-настоящему счастлива.

– Это высшая степень любви. А у тебя так не получается?

Он молча покачал головой.

– Ну ничего, я не требую от тебя подвигов. Я просто люблю тебя...

Её ясные глаза встретились с его взглядом, словно передавая ему что-то чистое, хорошее. Оба расплылись в улыбке.

– Это как бесконечность... Представляешь себе бесконечность? —спросила Сабина

– Нет. Не могу даже думать об этом...

– А ты попробуй...

– Как?

– Для начала ты должен расслабиться, дальше закрой глаза и дыши ровно. У тебя всё обязательно получится. Бесконечность увидеть нельзя, я в этом уверена. Её можно только почувствовать и понять. Она как любовь, глазами увидеть невозможно... Давай вместе закроем глаза?

– Только для тебя одной, моя милая.

Оба закрыли глаза. И в этот же миг слышались гудки проплывающих по Босфору пароходов и шаги проходящих мимо людей. Орхан и Сабина сидели молча с закрытыми глазами.

– Ну как? Чувствуешь бесконечность?

– Нет, – усмехнувшись ответил он.

– А я чувствую. Мне сейчас так хорошо, ты даже представить не можешь! Здесь только я и ты, и больше ничего и никого. Мир как будто замер. В этой бесконечности нет места тревоге и горю. Это только наш мир, созданный нами...

Она вздохнула полной грудью.

– Я люблю тебя... – с особенной нежностью произнесла она.

Орхан лукаво улыбнулся.

– А сейчас как? Чувствуешь бесконечность? – продолжала настаивать Сабина.

– Ничего не получается! – он даже наморщил лоб от усилий.

– Это все потому, что ты не веришь в это...

– Ты права, я в это не верю. Ты же знаешь, я реалист, – он открыл глаза, и Сабина вздрогнула от его неожиданного рывканья:

– Пошла вон отсюда!

Перед ними стояла женщина с протянутой рукой, улыбаясь золотыми зубами, рядом с ней был мальчик лет пяти, в очень грязной одежде. Она держала его за руку. После слов Орхана она развернулась и ушла, будто понимала русский язык.

– Вот! – с чувством сказал он. – Это реальность, а не бесконечность, и она действительно существует. Я же говорил, нет никакой бесконечности. Или для меня её нет!

Он обиженно скрестил руки на груди.

– Не кричи, все на тебя смотрят. Вокруг нас люди, мы не одни и не у себя дома!

– Я это понимаю, – он встал со скамейки. – Не понимаю только, почему таких вот пускают в общественные места. Кто-то, наверное, должен следить за этим?

– Это не наше дело. Ребёнка жалко, а не её, – задумчиво проговорила Сабина. – Вместо того чтобы найти работу, мать занимается попрошайничеством. Все ищут лёгкие деньги... Садись, чего ты вскочил?

– Постою немного, – ответил он, топнув ногой, словно капризный мальчишка.

– Как хочешь, только не кричи и не кипятись. Жизнь слишком короткая, чтобы злиться на каждую мелочь. Подумаешь, открыл глаза и увидел попрошайку. Уже десять минут прошло, как она ушла, а ты все ещё злой.

– Тебе что-то не нравится? – недобро спросил Орхан, заглядывая в ее лицо.

– Все хорошо, – прошептала в ответ она, боясь вызвать у него еще большее раздражение.

Сабина тоже встала и подошла к нему

– Идеальных людей не бывает. Мы сами рисуем свою жизнь, вот и я нарисовала себе жизнь с тобой... Хорошо получилось или нет, я стараюсь об этом не думать. Жизнь покажет... – Она грустно улыбнулась.

– Вот и прекрасно, – сухо сказал он.

Наступила тишина. Сабина посмотрела в его зеленые глаза и невольно подумала: «Интересно, смогу ли я жить без этих глаз? Пожалуй, нет. Ведь моё тело в его руках плавится как пластилин, всё горит от желания. Хочу быть именно с ним, больше никто мне не нужен. Он меня любит, сладко, неторопливо... А я? Я жить без него не могу...»

– О чём ты задумалась?

– Ни о чём, – она крепко обняла его. Орхан наклонился и поцеловал её в шею. – О чем могу я думать, находясь рядом с тобой?

– Не знаю... Вас, женщин, понять невозможно. У вас свой мир. Он сильно отличается от нашего. Я бы сказал, кардинально.

– Так и у вас тоже свой! – ответила она, положив голову на его плечо. – Ты не пытайся понять меня, просто люби и будь всегда рядом. Вот сейчас стоишь рядом со мной, но в то же время кажешься мне недостижимым. В такие моменты ты живёшь в другом мире, мы с тобой становимся, словно слепой и зрячий.

– Я... всегда буду с тобой. Нахожу же я время для наших встреч. Хочу быть, – он снова запнулся, – только с тобою...

– Честно-честно?

Он сделал удивленное лицо и приподнял брови.

– Сабина, ты что, не веришь мне?

– Верю.

– Тогда зачем переспрашиваешь?

– Девушки любят ушами, – сказала она, улыбаясь. – Это к вам путь лежит через желудок.

Орхан удивленно приоткрыл рот, но потом нахмурился, словно обдумывая произнесенные ею слова.

– Я же говорю, – он слегка оттолкнул её от себя, – у вас свой мир. Вы как будто не с нашей планеты. Как можно любить ушами?

«Он все ещё ребёнок», – подумала она.

– Прямо как инопланетяне, – продолжал Орхан, смеясь, – любить ушами! Если будешь любить ушами, то уши станут, как у Чебурашки, ха-ха-ха!

– Эти слова имеют другой смысл, – обиженно ответила Сабина.

– Да ладно, – он махнул рукой, – все и так понятно.

– Ах, Орхан... Ради Бога, тебе уже пора повзрослеть.

– Буду стараться, – ответил он, после небольшой паузы. – Любить ушами. Просто представил, как это, – он снова ухмыльнулся.

– Да, постарайся. Как же, – сухо произнесла она, закатив глаза.

– Как же мне нравится, когда ты глаза закатываешь...

– А ты знаешь, когда это происходит? Только в одном случае, – произнесла она, набирая в грудь воздуха.

– Да? – переспросил он, потирая пальцем лоб. – И когда же?

– Когда мой любимый мужчина меня не понимает, спорит и вынуждает идти против своей природы. Это такой знак протеста.

– Ладно, – он обнимает её за талию, как обычно, меняя тему, – пойдём отсюда. – Смотри, солнце уже зашло!

– Да, зашло...

– Надо идти, а то не сможем найти дорогу обратно. Думаю, по ночам Стамбул не такой приветливый, как днём. Идём же скорее!

Он шагнул вперёд, увлекая её за собой. Сабина шла, стараясь не смотреть на небо – именно сегодня, в этом городе она боялась увидеть падающую звезду. Они молча пошли по улице Кеннеди, затем свернули в узкий переулок.

– Все хорошо? – спросил Орхан.

– Все хорошо, – эхом ответила Сабина, – только вот холодно...

Он, сняв с себя куртку, накинул ей на плечи, взял ее улыбающееся лицо в ладони.

– А теперь?

– Теперь точно всё хорошо.

– Кажется, мы все-таки заблудились, – он, сдвинув густые брови, оглядел местность, которая их окружала. Чуть впереди, на улице, сидели трое мужчин и пили чай. Один из них, с пышными черными усами, сидел, положив ногу на ногу, и косился на ноги Сабины, выглядывающие из-под плаща. Второй, с грубым широким лицом, глотнув чаю, несколько раз покачал головой и посмотрел на третьего. Тот подозрительно задумался о чем-то.

– Да, – повторил Орхан, – и правда, ночью, без солнца, Стамбул кажется неприветливым.

– Не пугай меня!

Сабина крепко впилась в его руку. Он увидел на её лице тревожное выражение.

– Не бойся, я же рядом.

Он ещё раз изучающим взглядом осмотрелся вокруг.

– Как тут не бояться, – она стучала зубами от холода и страха.

– Пошли отсюда, обратно, на набережную.

Орхан важно кивнул и, не говоря более ни слова, потянул её за собой. Они понеслись по дорожке обратно на улицу Кеннеди и уже через несколько минут замедлили шаги.

Глава 4

В неподвижной тишине утра они молча смотрели друг на друга, затем Орхан со всей страстью впился в её губы.

– Хочу подарить тебе всю свою нерастрченную любовь, которая накопилась в моем сердце, – прошептал он, слегка отодвигая Сабину от себя, чтобы увидеть ее лицо.

– Я тебя люблю... – шепчет она тихо, точно боясь нарушить утреннюю тишину.

– Я встаю! Поздно уже... – заявил Орхан.

– Возражаю, – говорит она, но Орхан, не обращая внимания на её возражение, остановился перед окном и стал наблюдать за Стамбулом с восьмого этажа отеля Radisson Blu.

– Может, оденешься? Непослушный мой... – говорит она, протягивая руку за пультом от телевизора.

– Зачем?

– Ну, ты же смотришь из окна совершенно голый. Вдруг тебя кто-нибудь увидит?

– Ты ревнуешь?

– Нет, – прошептала она одними губами, будучи уверенной в том, что мужчинам нельзя говорить о своей ревности.

– Не любишь?

– Люблю...

– Тогда почему не ревнуешь?

Она молчала.

– Значит, не любишь меня...

Он посмотрел на неё искоса.

– А ты меня любишь? – спросила она, с надеждой глядя на него.

– Сама все знаешь...

Он махнул рукой.

– Ты никогда не отвечаешь на этот вопрос, это несправедливо.

Она приподнялась на локтях и принялась щелкать телевизионные каналы.

– Тогда скажи мне, что тебе во мне нравится? Ум?

– Перестань...

– Красота?

Он поднял голову и посмотрел на неё задумчиво, стараясь понять, что конкретно она хочет услышать.

– Говори, говори... я жду!

Она смотрела на него настойчивым взглядом.

– Кому что... Мне вот утром хочется только одного – оказаться под душем, а потом попить черного, обжигающего чая. А ты засыпаешь меня вопросами... – поморщившись, он отвернулся. – Я еле оторвал голову от подушки.

– Ладно... – ответила она обиженно. – А с головой-то что?

– Вчера немного понервничал. Все-таки хорошо, что потом взяли такси до отеля, мало ли что могло с нами случиться?!

Орхан открыл окно, и в комнату ворвался утренний осенний ветер. Он направился в ванную, помыл руки, почистил зубы и неспешно вышел.

– Я готов, – торжественно сказал он.

– А я не готова. Нужно тебе немного подождать...

– Сабина, у них во дворе парк, когда погода хорошая, они подают там завтрак, пошли.

– А почему мы вчера не позавтракали в парке?

– Погода была неподходящая, – он бросил взгляд на открытое окно. – Сегодня утром шикарная погода. Вставай!

Он натянул чистую белую футболку и джинсы.

– В этой футболке ты выглядишь слишком скучно, поменяй на что-нибудь более веселое. Надень ту, которую вчера купили.

– Белая футболка – это классика жанра. Мне нравится, – он посмотрел на неё, – надеюсь, тебе тоже...

– Ладно, пусть будет так! Во сколько у нас рейс? – спросила Сабина, засовывая голову под подушку.

– В 13.20 вылет. Нам надо торопиться... Завтрак!!!

– Не хочу, не хочу, не хочу! Моё самое большое желание сейчас – это остановить стрелки на часах, чтобы они не ходили, – произнесла она звонким голосом.

Орхан присел на край кровати и задумчиво сказал:

– Время идёт. В реке по имени «Время» мы купаемся с рождения до самой смерти...

Он стащил с нее подушку, бросил на пол одеяло.

– Быстро встала и пошла! – заявил он не допускающим возражений тоном, показав на дверь в ванной.

Сабина покорно поднялась.

– Когда ты уже, наконец, перестанешь приказывать мне?

– Наверно, никогда, – усмехнулся он.

– И что тебя так развеселило?

– Вспомнил слова «никогда не говори никогда»...

– И что в этом смешного?

– Не знаю, – он пожал плечами, – просто мне это показалось смешным.

Он замолчал и провел рукой по её волосам.

– Станный ты, Орхан.

– У всех есть свои странности. Когда часто общаешься с человеком или живёшь вместе, отчётливее начинаешь это замечать...

– Это да...

Она на секунду задумалась и осторожно сказала:

– Орхан, ты мне обещал, что, как только мы вернёмся из Стамбула, то обязательно поженимся...

– Ты сомневаешься? Ты должна доверять мне так же, как я доверяю тебе!

Он шагнул к ней, протянув вперед раскрытую ладонь.

– Я доверяю только поступкам, а не словам.

При этом Сабина приподнялась на цыпочки, легко и нежно коснулась губами его губ, затем ее пальцы ласково обвели изгиб его рта. Понизив голос до заговорщицкого шепота, она спросила:

-арб- Может, нам пожениться тайно, я имею в виду «никах»? (Ника́х (араб. النكاح – косочетание), джавáз, зава́дж, урс – в исламском семейном праве брак, заключаемый между мужчиной и женщиной. – *Прим. автора*).

– «Нигах»... – Орхан запнулся, глаза его расширились. Он зажал ей рот ладонью и, помедлив, ответил:

– Посмотрим.

Затем завладел рукой Сабины, задержал на своем лице, пристально глядя на нее.

– Всеу свое время. Не торопи меня и себя тоже... Прежде чем бегать, надо научиться ходить.

– Не кажется ли тебе, что мы уже достаточно прошли с тобой вместе?

– Нет, не кажется, – ответил он, – и ещё, «нигах» – это для религиозных людей, а мы же с тобой не фанаты религии...

– А ты что, не веришь в Бога? – удивилась Сабина.

– Религия придумана для слабых людей.

Он отпустил её руку.

– Разве?

– Да. Это даёт им надежду на иную жизнь после смерти. Что, мол, придёт день и справедливость восторжествует. Богатые и бездушные люди будут наказаны Богом. Сильные люди живут своей жизнью и понимают, что жизнь – это здесь и сейчас, и нет никаких «потом».

– А ты сильный человек?

Орхан умолк, его лицо приняло озадаченное выражение, взгляд стал блуждающим, он несколько раз пожал плечами.

– Все хорошо? – спросила она, не понимая его реакцию. Сабина пригляделась к нему повнимательнее.

– Да, конечно. Ты сама знаешь, сильный я или нет, вот и спрашивай у себя! Кто может знать меня лучше, чем ты?

– Я хочу понять тебя, понять, как ты думаешь о себе...

– Всё! – он махнул рукой. – Закружи эту тему! Ты помнишь все, что я обещал, но забываешь о том, что сама мне обещала.

– Тоже всё помню.

– Ты обещала найти мне достойную работу через своего отца.

– Помню, только что сказала тебе.

Отстранившись от него, она встала перед зеркалом.

– Я говорила отцу, а он спросил, есть ли у тебя диплом нефтяной академии?

– С дипломом бы мог и сам устроиться, зачем мне тогда его помощь?

Сабина тяжело вздохнула, ее лицо побледнело.

– И не надо так вздыхать, – с досадой сказал Орхан.

– У отца проблемы на работе. Его хотят отправить на пенсию. Ты же знаешь, не всё от меня зависит. Была бы моя воля, я бы тебе диплом академии подарила...

– Вот и подари...

Сабина все ещё сидела перед зеркалом и тщательно красила ресницы.

– Я поговорю ещё раз с отцом, может, он что-то предложит. А ты учиться готов?

– Нет, – ответил он тихо.

– В своё время надо было учиться, а не тратить время впустую.

– А ты меньше умничай, – повысил голос он. – Сможешь мне помочь, помоги, а нет – тогда не учи. Я сам знаю, что мне надо делать... Училка, тоже мне...

– Понятно, – ответила она, скривив губы от обиды.

– Хочу всё и сразу, и ещё, чтобы не пришлось ничего делать! Вот так... Пойми ты это, наконец!

– Прямо как в сказке, поймал золотую рыбку и загадывай желание, —она грустно улыбнулась.

– Я уже поймал, – вздохнул он, пристально глядя на неё. Затем принялся заталкивать оставшиеся вещи в сумку:

– Пока мы с тобой болтали, время ушло, теперь уже позавтракаем в аэропорту.

– Я еще не готова, – она надела майку.

Он взял телефон, положил в карман и сел на кровать.

– Ты так и не ответил на вопрос...

– Какой?

– Скажи, ты отправишь к нам в гости своих родителей? Ты должен попросить у моего отца благословения на наш брак. Ты меня понимаешь? Это будет проявлением уважения с твоей стороны. И тогда будет у тебя работа, дом, кстати, трёхэтажный, и все остальное...

Она встала.

Это было тяжелая минута для Орхана. Он не знал, что делать, что сказать. В итоге он замолчал. Глаза его забегали в разные стороны, на лице отобразились лихорадочные раздумья, что ему на это ответить. Одно дело быть влюблённым, проводить время с красивой девушкой, но создавать семью, растить с ней детей совершенно не входило в его планы. А уж тем более в сложившейся ситуации, из-за проблем на работе у её отца, теперь совсем невыгодно стало на ней жениться.

– Ответь же мне! – поторопила она его.

Сабина наклонилась к нему, испытующе ожидая ответа.

Орхан чувствовал себя в непростой ситуации. С одной стороны, они уже давно вместе, почти два года, он привык к ней. Сабина за это время стала ему близким человеком. Но, с другой стороны, как быть с её отцом? Ведь его в скором времени отправят на пенсию, и он останется ни с чем.

– Ну? – настаивала она.

Застигнутый врасплох вопросом, Орхан медленно, с натугой, сглотнул и сказал:

– Время нужно. – И еще раз повторил холодно: – Время.

Сабина раздраженно фыркнула, и капелька её слюны попала Орхану на лоб.

Он молча достал из кармана платок, вытер лоб и аккуратно положил платок на журнальный столик. Затем прилёг на диван, закинув за голову обе руки, словно на пляже.

– Нам надо решить этот вопрос, мы не можем вечно с тобой встречаться. Время моё уходит, и мне уже хочется определенности. Для меня это очень важно. На нигах ты не согласен... И потом – если мы не поженимся, что обо мне подумают родственники, знакомые, соседи? Что я им скажу? Они уже почти все о тебе знают...

– Кто, соседи? – машинально переспросил он.

– Ну да...

Орхан приподнялся, взял со стола пачку сигарет, достал одну и, подув на фильтр, закурил. Глубоко затянувшись, он сделал небольшую паузу, показав всем своим видом, что ему плевать на мнение ее соседей и родственников.

– Ты должен обо мне подумать, Орхан!

Страхнув привычным движением пепел с сигареты, он улыбнулся.

Сабина выжидающе смотрела на него.

– Оставь ты меня в покое, – вздохнул он и с невозмутимым видом лёг обратно на диван.

– Я люблю тебя и не хочу терять. Как ты не понимаешь?

Сабина надела джинсы, застегнув пуговицы ловким движением руки.

Наблюдая, как она одевается, Орхан чуть было не произнес вслух то, что вертелось у него в голове: «Мне чертовски жаль, но у нас нет будущего, стать мужем и женой нам не суждено. «Зачем говорить ей правду, лучше пусть живёт с надеждой, с верой в лучшее. Она хороша собой, красивая лицом, и тело тоже ничего, и вообще, мне с ней хорошо в постели», – рассуждал Орхан.

Он быстро притушил сигарету о пепельницу и встал.

– Пойдем вниз, найдем такси.

– Иду, дай мне ещё три минуты.

– Я подожду тебя внизу.

Орхан громко хлопнул дверью и вышел.

Глава 5

Впечатление от дороги в аэропорт имени Ататюрка получилось у обоих смазанным, словно фотография, сделанная во время движения. Перед тем, как войти в огромное здание, Сабина обернулась, пытаясь сохранить в памяти этот восточный город, полный любви и нежности. «До встречи, прекрасный город, – подумала она. – Может быть, мы еще встретимся...»

Они прошли по центральному коридору аэропорта, который многим не похож на своих собратьев в других городах и странах. Везде были указатели на двух языках: турецком и английском.

Пройдя регистрацию, они встали на движущуюся дорожку, чтобы доехать до другого терминала. Всю дорогу молчали. Орхан не знал, с чего начать, а Сабина была обижена.

– Ты английский знаешь? – спросил он.

– Немножко, – натянутым голосом ответила она, – а ты?

– Я вообще ни слова не понимаю. Да и зачем он мне нужен? Не собираюсь никуда уезжать.

– Не знаю, – пожала плечами Сабина и отвернулась.

Попытка завязать разговор не удалась. Орхан нервно огляделся по сторонам, и тут взгляд его упал на эскалатор, мимо которого они как раз проезжали.

– И зачем нужна эта лестница? – раздраженно сказал он, махнув рукой.

Сабина не реагировала.

– Какая-то непонятная, неудобная лестница, которая поднимается и опускается...

Внимательно осмотрев эскалатор, Сабина сказала:

– В аэропорту ничего лишнего не бывает: если она есть, значит, ей пользуются.

– Я не могу представить, чтобы кто-то ею пользовался. Непонятно, зачем она вообще здесь.

– Не стоит искать логику в обычной лестнице...

– Стой, – он привлек ее к себе и обнял обеими руками, – не буду искать, обещаю! Обещаю все, что хочешь... Ты только улыбнись и поцелуй меня.

Сабина не смотрела на него, но чувствовала знакомое такое любимое дыхание Орхана.

– Саб, – мягко сказал он, чуть-чуть отодвинувшись и приподняв пальцем её подбородок, не давая спрятаться от его внимательного взгляда. Когда их глаза встретились, в ее взгляде он заметил грусть.

– Знаю причину твоего расстройства – ты просто не выспалась. Улыбка все поправит, просто улыбнись...

Сабина вымученно улыбнулась.

– «Я не злая, но память у меня хорошая». Вот что написано в твоей улыбке, – пошутил Орхан.

Он гладил девушку по голове, и ей показалось, что Орхан пытается удержать ее этим прикосновением, словно не хочет отпускать ни на секунду. Будто в любой момент она может сбежать от него, далеко-далеко, и больше не вернется.

– Саб... – шепчет он.

– Да...

– Улыбнись...

– Знаешь, ведь сильнее всего ценятся поступки. То, что я здесь, с тобой, говорит о моей бесконечной любви к тебе. Очень переживаю за нас. Ты как мужчина должен понять меня, – тихо сказала она, все ещё сердито.

Орхан наклонился и поцеловал ее в лоб.

– Ты мне очень дорога...

– Все хорошо, – облегченно вздохнула она...

Через несколько минут влюбленные путешественники оказались среди ресторанов и магазинов дьюти-фри. Между рядами медленно бродили люди, выбирая кусочки Стамбула на память.

У туалетных комнат они разошлись, договорившись встретиться через пять минут. Сабина обнаружила перед собой очередь из пяти женщин и только три раковины и две кабинки. Да, быстро уйти не получится...

– Прости, что опоздала...

– Я тебя жду уже десять минут...

– Милый, ты же понимаешь, что женский марафет занимает немало времени.

– Да знаю я, – проворчал Орхан. – Пойдем, сядем.

– Давай вон там. – Сабина показала рукой.

Они прошли через весь зал и остановились в углу, около маленького кафе.

– Что будем есть?

– Только чай и пахлаву. Очень хочется сладкого.

– Все вы женщины, одинаковы, без сладкого не можете.

– Девушки, а не женщины...

– Это так важно? – улыбнулся Орхан, наклонившись к ней.

– Да, важно. Ни одной девушке не нравится, чтобы её называли женщиной.

– Пусть будет так. Ты моя девушка! – он чмокнул ее в щеку и направился в сторону прилавка.

– А ты мой волосатик, – сказала она вслед тихо, так чтобы не услышали другие посетители кафе.

Через несколько минут Орхан вернулся с двумя стаканами чая и двумя кусочками пахлавыв на подносе.

– Вот, держи.

– Спасибо.

– Как ты там меня назвала?

– Волосатик...

– Мне нравится, – он улыбнулся, зажмурившись, – что-то новенькое.

Наклонившись, Орхан потерся носом о её нос и запустил пальцы в темные душистые волосы, затем быстро поцеловал в губы и сел.

– Ты меня любишь?

– Ты заставляешь меня забыть обо всем. Ты лучшее мое лекарство, —прошептал он.

– Почему, когда я спрашиваю, любишь ли ты меня, ты все время уходишь от разговора?

Конечно, мне приятно слышать то, что ты говоришь, но все-таки хочется другого.

– Саб...

– Да, мой господин.

– Не надо сарказма, пожалуйста...

– Это не сарказм.

Он молча улыбнулся и залпом допил чай.

– Хочу попросить тебя кое о чем...

– Если это в моих силах, считай, что все уже сделано, – она поджала губы, зная заранее, о чем пойдет речь.

Немного помедлив, словно раздумывая, какие слова подобрать, он начал говорить быстро:

– Мне срочно нужно 1000 долларов. На днях получу деньги, мне должен один парень, и верну. Понимаю, еще не отдал то, что брал до этого, но обещаю – это верну. Точно.

– У меня нет денег, и вообще, что за просьбы у тебя пошли последнее время?

Он побледнел. Оба замолчали.

– Нет денег, – повторила она расстроенно, – ты же знаешь, я не работаю, сама завишу от родителей. У отца проблемы, мать не работает уже пятый год...

Орхан пронзил её взглядом. Увидев в его глазах такую жесткость, она содрогнулась от ужаса и в этот миг поняла, что он никогда не простит её за эти слова. Затем заставила себя улыбнуться:

– Это было шуткой...

– Мне не до шуток, – ответил Орхан и, почувствовав облегчение, взял себя в руки.

– Хорошо... Все понятно. Мне больше была интересна твоя реакция. Сразу все становится ясно...

– Реакция? – он удивлённо широко открыл глаза.

– Проехали, – она махнула рукой, чертыхаясь про себя. – У меня есть только семьсот пятьдесят долларов. Остальное потом.

– Когда? – напористо спросил он.

– Через три-четыре дня.

– Сейчас можешь дать, семьсот пятьдесят?

Сабина потянулась за сумкой, чувствуя, как ноют мышцы от вчерашней безумной близости на полу.

«Да, за все нужно платить...» Грустно улыбаясь, Сабина протянула доллары Орхану.

Глава 6

– Осторожно!

– Все нормально, давай я сяду, а ты поставь сумки в багажник, – сказала Сабина и, не дожидаясь ответа, устроилась возле иллюминатора.

– Ну ты и наглая, – возмутился Орхан.

– Сам такой, – озорно ответила она.

Орхан обернулся и, приподняв бровь, возразил:

– Ошибаешься. Я не такой, во много раз хуже.

Приняв игриво-устрашающий вид, Орхан принялся укладывать вещи на верхнюю полку. Сабина расплылась в улыбке.

– Ну все, наконец-то...

– Поздравляю!

– Не издевайся, плиз...

– А говорил, что не знаешь английского...

– Все, что знаю, – это слово «плиз»!

– Уже неплохо...

Он притянул ее к себе и попытался перевести разговор на другую тему.

– Послушай! – он нежно поцеловал ее в губы. – Все забываю спросить, ты боишься летать?

– С тобой мне ничего не страшно, поэтому мой ответ – не боюсь.

– А с другими?

– Что это значит – «с другими»? У меня нет другого мужчины, есть только ты, самый родной и любимый, – сказала она, опустив глаза.

– Ну, ты же сама сказала, – с тобой нет! Значит, с другими – да?

Орхан уже не мог сдерживать прорывающийся смех и громко расхохотался, не обращая внимания на окружающих.

– Тише, тише! – шепотом возмутилась Сабина. – Вот чем-чем, а логикой тебя природа не наградила.

– Ты недооцениваешь мою логику. Моя мама всегда говорила: «Орхан, логика у тебя железная».

– Ладно, не буду спорить с твоей мамой, – усмехнулась она. – Для мам мы, их дети, всегда идеальные.

Её пристальный взгляд задержался на Орхане.

– Когда я говорю, что с тобой не страшно, это означает, что одна боюсь, а когда рядом ты, мой милый мужчина с отсутствием логики, то нет. Вот что тебе надо было уловить. А не то, о чём ты подумал.

– А почему со мной не боишься?

На его губах появилась хитрая улыбка.

Лишь от одного взгляда на него у Сабины замерло сердце. Она улыбнулась, думая, что ей никогда не надоест любоваться и восхищаться этим мужчиной.

– Потому что, если что-то случится, то мы умрем вместе, держась за руки, и попадём с тобой в рай.

Он озадаченно и растерянно взглянул на неё.

– Что, милый?

– Страшные вещи ты говоришь, однако...

– Ой, какой же ты трус...

Она крепко взяла его за руку и с нежностью прижала её к себе.

– Просто говорю, что если влюблённые умирают вместе, они наверняка попадают в рай. Иначе как-то несправедливо...

– Я умирать не собираюсь! – он резко выдернул руку. – Тут душно... И ещё, плиз, не говори больше на эту тему. А то я уже жалею, что вообще завел этот разговор.

Их разговор прервал стюард.

– Пожалуйста, пристегните ремни, приведите кресла сидений в вертикальное положение...

– Да-да... – ответил он, машинально нащупывая свой ремень, хотя уже пристегнул его раньше. – Вроде пристегнут. А у тебя?

– У меня тоже, – ответила она.

– Кажется, соседей у нас нет, – сказал Орхан, вытирая вспотевший лоб. – Сейчас пересядем, и у нас будет бизнес-класс.

– Не хочу, сиди рядом, пожалуйста. Хотя бы пока мы летим до Баку.

– Но так же будет удобнее, – он сел в соседнее кресло и застегнул ремень. – Ну прости...

– Не прощу! – Сабина обиженно отвернулась. – Ты всегда все делаешь мне наперекор. Так нельзя!

– Можно, – ответил он спокойно, как бы поставив точку в этом разговоре, и принялся осматриваться вокруг.

Через проход сидел мужчина с высоким лбом и зачесанной назад шевелюрой. На нем были синие джинсы, рубашка с галстуком и очки в металлической оправе. Позади него – яркая зеленоглазая блондинка с пухлыми губами, в коротком полупрозрачном платье, под которым можно было различить очертания трусиков. Она слегка улыбнулась Орхану, сверкнув безупречными зубами.

«Ну почему каждый раз, когда ты встречаешь такую женщину, ты всегда в этот момент с другой? Что это? Закон подлости?» – подумал он.

– Орхан... – недовольно повысила голос Сабина. – Может, уже хватит пялиться на посторонних женщин?

– Что? – с полным равнодушием спросил он отводя глаза от блондинки.

Настроение у Сабины окончательно испортилось.

– Я вообще-то рядом! – нервно сказала она. – Ты совсем утратил ко мне интерес?

Он оглянулся, но ничего не ответил.

– Я права?

– Нет! – Он взял её руку и сжал в своих ладонях. – Ты что такие глупости говоришь? Мне кажется... на несколько секунд запнулся, как будто не зная, что сказать дальше, – я никогда не потеряю к тебе интерес..., – добавил он.

– Правда? – её глаза наполнились радостным блеском.

– Никогда не сомневайся в моих словах, никогда, слышишь? – он посмотрел ей прямо в глаза. – Ты вошла в мою жизнь и наполнила её смехом, светом, чудом...

– Я тебя люблю! – прервала его Сабина. – Люблю без памяти, без слов, без разговоров! Люблю вопреки всему. Ты самый прекрасный мой сон, ты мой спутник жизни, ты мой маяк... Ты – воздух, которым я не могу дышать. Ты – всё самое лучшее, что могло бы случиться со мной в жизни.

– А знаешь, что мне в тебе больше всего нравится? Помимо твоей красоты? – Орхан нагнулся к ней и шепотом добавил:

– Фигура, изгиб бедер, грудь третьего размера...

– Что-что? – торопливо спросила она и коснулась шрама на гладко выбритом подбородке, почувствовав сильное желание поцеловать его, но остановила себя.

– Твоя покорность!

– Покорность порождается воспитанием. Это благодаря тебе я такой стала. Или благодаря моей любви к тебе...

Он одобрительно кивнул головой.

– Ты у меня самый лучший...

– А ты у меня самая красивая! – парировал он, краем глаза посматривая на блондинку.

– Не желаете чай или кофе? – спросил у них все тот же, неслышно подошедший стюард.

– Я буду кофе, – тихо произнесла Сабина.

– Вам тоже кофе? – обратился стюард к Орхану.

– Нет уж. Вообще не понимаю, как можно пить эту гадость?

Стюард слегка поморщился, молча налил кофе и передал его Сабине, затем – чашку с черным чаем ему.

– Благодарю! – неожиданно громко сказала Сабина.

– Ты что так громко? Уши заложило?

– Прости, – виновато сказала она.

– Ничего, – раздраженно ответил он. – Давно хочу у тебя спросить кое-что.

– Спрашивай.

– Кажется, ты говорила, что родилась в России?

– Какая у тебя память... Да, а если точнее, то я родилась в Ханты-Мансийской области.

– В городе Нягань? – уточнил уверенно Орхан.

– Между прочим, его еще называют «городом улыбок». В переводе с языка местных народностей название города означает «смешное место». По мне, вполне соответствует этому безмятежность и оптимизм его жителей. Теперь ты понимаешь, откуда я у тебя такая доброжелательная? – улыбнулась Сабина.

– Интересно... – проговорил он.

– Это совсем небольшой город. Моего папу сразу после академии направили в Ханты-Мансийскую область, в город Сургут. Несколько лет он там проработал, а потом его перевели в Нягань. Вот там я и появилась на свет.

– А в Баку вы когда вернулись?

– Когда распался Советский Союз, отцу пришел вызов из правительства Азербайджана. Понимаешь, когда на таком уровне предлагают работу, отказы не принимаются. Просто ставят перед фактом.

– Понимаю. Ты что-то помнишь из той жизни, имею в виду, из жизни, проведенной в России?

– Помню только снег, очень много снега. Помню, как он хрустит, когда наступаешь на него, помню сильные морозы и яркое солнце зимой. Люблю, когда все покрыто белым-белым снегом. Снежинки летают по всему городу. Они падают и падают. А в свете уличных фонарей они блестят как бриллианты. А еще всегда открывала рот и ловила их губами. Какая красота!!! Словами не передать, это нужно видеть самому.

Она вздохнула, ощутив одновременно радость и грусть – ведь это все уже осталось в прошлом.

– Ты знаешь, – продолжала вспоминать Сабина, – когда дома невысокие, можно видеть их крыши, покрытые хрустально чистым снегом. Он так блестит, что отражает свет луны. У меня ощущение, что в каждом таком доме вокруг печки собралась семья, и вот-вот подадут чай.

Представляю; отец смотрит телевизор, а дети шумно играют вокруг него, дразнят друг друга, и он каждые пять минут говорит им: «Тише, тише, из-за вас я ничего не слышу». А все дети балуются, и успокоить их невозможно...

– Ты так красиво все описала, рассказывай дальше, не останавливайся. Плиз...

– Знаешь, что самое обидное?

– Нет, не знаю, но очень хочу узнать.

– В детстве мы не ценим те моменты, которые переживаем. Моменты чуда, радости, непринужденности. Практически все дети думают, что их родители будут с ними вечно, а они сами не вырастут, навсегда останутся детьми, и ничего не изменится. Даже когда мы болели, всегда радовались этому, представляешь? А кем были для нас родители?

Орхан пожал плечами и смущенно пробормотал:

– Я не помню...

– А я помню, что в то время папа для меня был настоящим героем, а мама – ангелом. И они остались для меня такими же. Отец – моя защита, опора и, конечно, авторитет. А мама – смысл моей жизни. Для тебя родители такие же?

– Да, да, конечно... – он принялся сосредоточенно пить чай.

– Будучи ещё девочкой, поняла, что наши мамы – это наши помощники, ангелы-хранители, данные Богом. Вспомни, кто был рядом с тобой, когда ты достигал чего-либо? – продолжила Сабина. – Допустим, первые шаги, первое слово, сказанное тобой? У меня была подруга, её мама умерла при родах, и её воспитанием занималась бабушка. Так вот, однажды мы катались вдвоем со снежной горки и обе одновременно упали. Знаешь, что крикнула я, а что она?

– Что? – с интересом спросил он.

– Я крикнула «ой, мама», а она крикнула «о, Боже». Представляешь...

– Надо же, ты такие вещи запомнила...

– А когда я ложилась спать раньше обычного, мама начинала ходить вокруг меня и допрашивать, что со мною, почему легла раньше времени, может быть, чем-то расстроена? Может, врача вызвать? Они чувствуют тревогу за своего ребенка. Разве не они носят нас под сердцем в течение девяти месяцев, а потом днями и ночами напролет находятся рядом с нами, и у них практически нет времени на собственный сон. Они жертвуют всем ради нас. И после всего этого разве мать не может быть самым главным человеком в твоей жизни?

– Может. Но у меня не такая память, как у тебя, – вздохнув, сказал Орхан. – Вы, женщины, устроены по-другому, вы ко всему относитесь не так, как мы. Находите причины, чтобы все усложнить в своей жизни. А мы, мужчины, – он самодовольно выпрямился и продолжил, – мы все упрощаем. Для нас все ясно, как дважды два.

– Конечно! Это, наверно, от того, что в вас больше уверенности.

– Может быть.

– Да, конечно, для вас всегда все просто. Вы вообще по природе своей другие, я бы сказала даже – своего рода разрушители.

– Кто? – переспросил он, по привычке подняв брови. – Разрушители?

– Разве не вы ходите на охоту, чтобы убивать зверя? Разве не вы ходите на рыбалку? А леса? Кто их рубит?

– Ну, не я точно! Охоту не люблю, рыбалка требует терпения, а у меня его нет. А лес? Там, где я живу, его и в помине нет.

– Ты у меня исключение, любимый. Речь не о тебе, я говорю в целом. Подавляющее большинство мужчин – именно такие.

Он с нарочитым облегчением выдохнул.

– Позволь, я вернусь к разговору о родителях ... Давно хочу у тебя спросить, почему ты рассказываешь только о маме, а про брата, отца ничего не говоришь. У тебя и бабушка есть!

Лицо Орхана помрачнело.

– Брат живёт в Москве. Почти три года не виделись, он не звонит и не пишет мне. Отец врач, ну бабушка совсем старая... Что интересного?

– Но почему ты не видишься с братом? Он обиделся на что-то?

– Было бы на что... Три года назад вернулся к нам на несколько дней и уехал. Решил перевоспитывать меня. Не вышло. С тех пор я его не видел. Он своеобразный человек. Хочет, чтобы все было, как он желает.

– Чем он занимается в Москве?

– Не знаю, по всей видимости, ничем. Разгильдяй. Нам не помогает.

– Ты не хочешь сам позвонить ему, найти его и объяснить, что так жить нельзя. Ведь ты старший брат, и кто, как не ты, вправит ему мозги и поставит на место?

– Я не буду этим заниматься! – резко сказал Орхан. – На мой взгляд, ему просто не хватает силы воли.

– А на мой взгляд, ты должен этим заняться. Отец всегда говорит, что Москва страшный город... Может, ему негде жить в Москве, и он бомжует?

– Может, это его призвание...

– Орхан, не смейся! Он все-таки твой брат, и ты должен ему помочь, хотя бы своими советами... Может, он нуждается в твоей поддержке?

– Кому я должен, всем прощаю! – громко расхохотался Орхан.

– Ты чего? – удивилась она. – Что тебя рассмешило?

От смеха у него текли слезы, говорил он с трудом.

– Прощаю... тебе все..., – он опять расхохотался. – Это было бесподобно.

Смех немного отпустил его, и он заметил, как Сабина широко раскрытыми глазами глядит на него в полном недоумении.

– Да уж, ты меня удивил...

– Ты меня тоже. Давай сменим тему, хорошо?

– Придётся, – неохотно согласилась она и добавила: – Подумай о том, что он тебе не чужой человек.

– Подумаю... – ответил Орхан зевая. – Давай спать, – он скрестил руки на груди и, устроившись на мягком подголовнике, заснул.

Глава 7

Они стояли на границе. На плече у Сабины висела маленькая сумка, большую дорожную она держала в руке. Орхан стоял рядом, вполоборота, опираясь на свою дорожную сумку.

– Ты на меня сердишься?

– Нет, – отвечает он, выпрямляя спину.

– Честно?

– Немного, – сказал он, снимая руку с сумки.

– Нуууу... – заныла она. – Нельзя на меня сердиться! Я хорошая!

– Самодовольная женщина! Кажется, все женщины так думают о себе...

Покачивая головой, он повел взглядом вокруг себя, в поисках кого-то.

– Как? – переспросила Сабина

– Что каждая умная, хорошая и красивая...

– А ты не согласен?

– Мне все равно, – ответил он, нахмурившись. – Главное – то, что я сам думаю о них.

На его губах появляется хитрая улыбка.

– И что ты думаешь обо мне? – она поставила сумку на пол.

– Сабина, я так устал после полёта. А ты опять со своими вопросами... У меня в голове столько мыслей... нужно посетить родителей, заплатить за аренду квартиры которую снимаю...

– Ладно, просто я не хочу, чтобы ты обижался на меня.

– Прекрати...

– Для меня, – продолжала она, – мы – одно целое.

Она крепко обняла его и поцеловала в шею.

– Между нами не должно быть никаких недопониманий.

– Это обычная история, – он отодвинул её от себя. – Ругаемся, тут же миримся... Первый раз у нас такое, что ли...

– Что-то осталось между нами недосказанным? Мне кажется, ты все время что-то недоговариваешь...

– Вроде всегда всё говорю, – он озадаченно пожал плечами.

– Бывает, любимые люди, – медленно продолжала Сабина, – делают вид, что не понимают друг друга, а потом выясняется, что они уже давно стали чужими.

Она ещё раз обняла его.

– Недопонимание в отношениях бывает время от времени, это норма и ещё – мы же не ссоримся постоянно.

– И не должны. Если в моей жизни тебя не будет, я перестану жить, ты моё всё...

– Всё-всё, – сухо оборвал он её, – жить она перестанет..., – недовольно повторил он. – Наша очередь. Обнимашки на границе, думаю, не самая хорошая идея. Нас не поймут.

Она молча подчинилась и отпустила его.

– Откуда прилетели? – обратилась к ним женщина в форме, с длинным лицом и большим носом, не отрывая глаз от паспорта.

– Из Стамбула, – ответила Сабина.

– Вы вместе? – женщина подняла голову и обвела их изучающим взглядом.

– Да, мы вместе, – ответил Орхан, гордо выпрямляясь.

– Понятно, – ответила пограничница, еле сдерживая улыбку.

Через пару минут она, нажав на кнопку, передала им паспорта:

– Добро пожаловать! Проходите.

– Спасибо, – ответил Орхан.

– Почему она так улыбалась? – спросила Сабина.

– Откуда мне знать? В чужую душу не заглянешь.

– Вот именно.

После границы их еще битый час продержали на таможне, перебирая вещи, но вот, наконец-то, сумки получены и погружены в тележку.

Они остановились у выхода, и Орхан произнес:

– Забыл тебе сказать, как только мы приземлились, мой друг Хагани сообщил, что не сможет встретить нас, очень занят на работе. Пойду найду частного, посмотрим, сколько он запросит. Им ведь только дай руку, оторвут по локоть. – С этими словами он развернулся и пошел на улицу.

Сабина, любуясь, смотрела ему вслед, затем бросила взгляд на свои маленькие часики, стрелки которых показывали 18.07.

Орхан вернулся с каким-то мужчиной, по всей видимости, водителем.

– Готова? – спросил он.

Сабина кивнула, одновременно набирая и отправляя сообщение матери о том, что она прилетела на родину.

Водитель забрал их багаж, и они вместе вышли на улицу, сразу ощутив запах нефти, витающий в воздухе.

– Как же соскучился по этому запаху! – сказал Орхан, открывая перед ней дверь. Сабина попыталась обнять его, их глаза встретились, и он подмигнул ей, показывая на водителя.

– Поняла... – она нырнула в машину.

Спустя двадцать пять минут они свернули на проспект Шах Исмаил Хатаи.

Орхан повернулся к ней вполборота, положив ладонь ей на колени, и сказал:

– Сначала выйду я, – он не сводил глаз с ее коленей.

– Нет-нет! А как же я? Только после меня, – быстро ответила она.

– Нет, я. Все!

– Я против... – она робко дотронулась до его руки.

– Спокойно, Сабина. На востоке есть поговорка: воду первыми пьют верблюды, потому что у них рук нет. Вторыми пьют мужчины, потому что у них нет терпения. – Таксист, прислушиваясь, улыбался во весь рот. – А последними пьют женщины, потому что у них есть и руки, и терпение.

– Я не хочу, – возразила Сабина, – это некрасиво, нехорошо...

Орхан отрицательно мотнул головой и убрал руку:

– Это не плохо и не хорошо. Какая разница, кто выйдет раньше, ты или я? Это ничего не изменит.

– Что у тебя такого срочного?

– Вопрос закрыт, – сказал он, поднимая стекло.

Она обреченно и тяжело вздохнула.

– Остановите здесь, я выйду, – он отстегнул ремень.

– Это улица Пушкина, – сказал водитель, – здесь стоянка запрещена.

– Да вы на секунду, я могу и на ходу выпрыгнуть.

Губы водителя изогнулись в одобрителной улыбке.

Машина остановилась, Орхан вышел, достал из багажника сумку и, нагнувшись к Сабине, сказал внезапно сиплым голосом:

– У меня нет мелочи, заплатишь ему?

Она закатила глаза, облизывая пересохшие губы.

– Ладно, – ответила она разочарованным тоном.

– Ты моя хорошая девочка, – он отвернулся и ушел прочь быстрыми шагами. Она смотрела ему вслед, сдерживаясь изо всех сил, чтобы не заплакать...

Глава 8

Виктория достала из рюкзака свежий хрустящий багет, домашнее печенье, нарезанную ломтиками салями и бутылку яблочного сока. Пока я открывал бутылку, она вытащила платок и разложила на нем еду. Взяв печенье, откусила небольшой кусочек и принялась медленно жевать, наслаждаясь вкусом.

По московскому небу пробежала туча, не уронив ни единой капли дождя. Воздух был сухим. Слабый ветер медленно гнал по небу клочья облаков. Утром по радио передавали, что дождя сегодня не будет.

Мы сидели в парке Лосиный остров. Было воскресенье, второе октября.

– Здесь очень красиво, – сказала Виктория, доедая кружочек печенья.

– Да. Кажется, мы с тобой и раньше здесь бывали?

– Давно, – задумалась она на несколько секунд, – года полтора назад. Нас сюда приглашал твой друг Давид, это было летом, мы отмечали его день рождения.

– А, точно, вспомнил, – я шлепнул ладонью по лбу. – Отдохнули мы тогда неплохо... Помню, как долго мы искали их тут. Парк такой большой, просто бесконечный.

Вика взяла ещё печенье, разломилась и протянула половину мне, а вторую положила себе в рот.

– Природу очень люблю, – вздохнув, улыбнулась она.

– А кто её не любит, покажи мне такого человека, – смеюсь я, – она нас создала, и мы не имеем права не любить её.

– Не умничай!

Она откинулась на спинку скамейки.

– А ты будь осторожней, когда сидишь, не забывай, что ты на восьмом месяце.

Она внимательно посмотрела на меня.

– Знаю-знаю, о чем ты сейчас думаешь, – я разлил сок в чашки. – Ты думаешь: Джавад, кого ты учишь? Я же сама доктор! Сама все понимаю, и уж тем более явно знаю про это больше, чем ты!!!

Послышался плач ребёнка, где-то рядом залаяла собака. Мимо нас прошли две пожилых женщины, с добрым любопытством глядя на наш завтрак.

– Дай мне салями с хлебом, – попросила Вика. – Сразу же после родов – сажусь на диету!

И, погладив живот, добавила:

– Мой идеальный вес – пятьдесят семь.

– А сейчас сколько килограммов в тебе? – я передал ей бутерброд.

– Семьдесят один. В последнее время так стесняюсь своего лишнего веса.

– Ты не должна стыдиться того, что делает нас с тобой счастливыми...

– Знаю. Ты не думай, у меня хватит силы воли.

– А я и не думаю об этом.

На соседней скамейке ребенок зашёлся безутешным плачем. Я с жалостью посмотрел на него.

– И наш тоже так будет плакать, – мечтательно вздохнула Вика, – только у нас будет девочка, а это мальчик. С ними больше проблем, они болеют чаще.

– Моя бабушка тоже всегда так говорила, я помню – мальчики растут, как индюшата, а девочки, как цыплята.

– Индюшата? – переспросила она удивленно.

– Да. Просто индюк – самая тяжёлая домашняя птица.

– Ну и сравнение у твоей бабушки... Нас не учили такому в медицинской академии.

– Ты просто мою бабушку не знаешь... она умнее, чем любой доктор.

- Ну прямо Склифосовский.
- Не меньше..., – отвечаю я.
- Знаешь что? Когда буду знакомиться с ней, все-все ей расскажу про тебя.
- Что именно?
- Скажу, что ты меня часто обижаешь... – Она надула губы, как сердитый малыш. – Не слушаешься меня!
- Я широко улыбнулся.
- Что смеёшься?
- Она сделает тебе маленький укол разочарования. – Я снова улыбнулся, представив себе беседу бабушки с Викой.
- Ого! Мне уже интересно...
- Однажды моя тетя, жена брата моей мамы, пожаловалась на мужа. Мол, он поздно возвращается домой, а может и вообще не прийти.
- Её муж, сын твоей бабушки? Я что-то запуталась! – перебила она меня.
- Ну, что тут непонятного? Невестка жалуется свекрови – «Твой сын поздно приходит, гуляет, пьёт...»
- Поняла, – она откусила небольшой кусочек от бутерброда.
- Наконец-то... – преувеличенно вздыхая, я полакомился кружочком салями.
- И что она ответила?
- Она выслушала невестку внимательно, затем сказала – будто объявила приговор: благодарю судьбу за то, что он тебя не бьет! Пусть гуляет, моему сыну можно.
- Вика молча провела руками по волосам, несколько раз тяжело вздохнула, и, в конце концов, ударив рукой по спинке скамейки, произнесла:
- Это возмутительно! Что значит – «моему сыну можно»? С какой – стати?!
- Я отвернулся, отыскивая взглядом плачущего мальчика, зная, что её возмущение будет долгим.
- Джавад? Ты меня слышишь?
- Она неловко поднялась, опираясь на спинку скамейки.
- Отвечай, как твоя бабушка могла сказать невестке такие слова?
- Я не знаю, – ответил тихим голосом.
- А кто знает? Это же твоя бабушка?
- Да, моя.
- Тогда объясни!
- Не могу. Она очень своеобразная женщина.
- Женщина не должна обижать женщину, и, уж тем более, свою невестку.
- Вот когда я вас познакомлю, тогда сама у неё и спросишь, как она может это делать...
- И хватит об этом.
- Захлопав ресницами, Вика молча села на скамейку. Наступила тишина, мы снова принялись за еду.
- Джавад, – вдруг сказала она. – Я не могу есть, пока не узнаю, что ответила невестка...
- Ничего не ответила, в этом я уверен.
- Просто замолчала и пошла заниматься своими делами?
- Послушай, ты так говоришь, как будто не знаешь кавказских обычаев. Все, что она скажет, обернётся против неё. Невестка не имеет права голоса. И уж тем более на претензии.
- А уйти от такого мужа она может?
- Нет, не может!
- Прямо девятнадцатый век! – возмутилась она.
- Правильно, моя бабушка родилась в 1899 году...
- Все равно не понимаю я твою бабушку... Как зовут-то её?

– Сабах. Она родилась ранним утром, поэтому и назвали в честь утра, «сабах».

– Все равно не понимаю, – повторила она, сжимая в руке бутерброд.

– Да, конечно, тебе это трудно понять. Она восточная женщина, воспитана совершенно по-другому. Человек помнит Николая Второго...

– Ну и бабушка у тебя... Дай мне ещё бутерброд. Понервничала, и сразу есть захотелось! Но после родов все изменится, ты не переживай! – принялась за свое Вика.

– Моя бабушка ради своих детей готова на все, хоть на войну ее отправляй. Пойдёт, не задумавшись, сам видел, как она стреляла из охотничьего ружья и всегда попадала в цель.

У Вики глаза расширились от удивления.

– Да, да! – покивал я головой. – Она говорила, что женщина должна уметь защищать свою честь.

– Теперь понимаю, почему невестка не стала спорить, жить-то хочется, – прошептала Виктория и широко улыбнулась.

– Тебе смешно, но моя бабушка и правда не могла уснуть, пока все члены семьи не оказывались дома, в безопасности, и не засыпали в своих кроватях. Она всегда всех контролировала, от малых детей до взрослых. Так уж она воспитана.

– После того, как ты рассказал мне все это, – она покрутила своё золотое кольцо, подаренное мной, – мне очень хочется познакомиться с твоей бабушкой.

– Непременно. Она действительно интересная и мудрая женщина. Вот, когда я решил уехать в Москву, она знаешь что дала мне?

– Что?

Я полез в карман и вытащил маленькую открытку, где был изображен Шиитский Имам Али ибн Абу Талиб, и показал ей.

– Талисман.

– Это кто? – удивлённо спросила Вика.

– Это Шиитский Имам Али, первый мужчина, принявший ислам, двоюродный брат и зять пророка Мухаммеда.

Вика, забрав мой талисман, внимательно осмотрела его и вернула мне обратно.

– Все время думала, что это ты носишь с собой постоянно, то в одном кармане, то в другом.

– Это святая связь между мной и бабушкой. Имам Али всегда защищал угнетённых, сирот и незащищённых людей. Он был ещё и известным ученым своего времени. Вот так.

Я снова положил изображение в карман.

– И он тебе помогает?

– Талисман?

– Ну не я же, – она показала на себя длинными тонкими пальцами.

– В этом деле главное уверенность и наличие цели. Если у тебя все это есть, тогда талисман закрывает треугольник удачи, и помогает везде. Он не для того, чтобы положить его в карман и спать с ним с утра до вечера.

– Как подкова?

– Именно...

– Теперь мне все понятно... Интересно, что твоя бабушка подарит мне?

Она на минуту задумалась.

– Если ты ей понравишься – подарит хороший подарок. Если нет, то мало не покажется. Будет язвить.

– Опасная женщина твоя бабушка!

Вика натянуто улыбнулась.

– Моя бабушка резкая, беспощадная, может поколотить любого из нас, но при этом щедрая в любви и всегда готова расправиться с теми, кто угрожает её семье.

Виктория, дожевывая последний кусок второго бутерброда, сверлила меня взглядом, который мог означать что угодно. Кончик ее носа стал ярко-красным от холода.

– Замерзла?

– Немного. Мы с тобой забыли взять термос с горячим чаем. Сейчас чай бы нам не помешал, согрелись бы.

– Хорошо бы кофе сейчас горячего, черного. Надеюсь, где-нибудь рядом есть Старбакс.

– Кому что, а тебе кофе из Старбакса, – слегка обиделась Вика, – нет бы пойти поискать, где можно купить горячего чаю.

– Вообще-то нам уже пора заканчивать трапезу и идти домой, – заметил я, оглядываясь вокруг.

– Джавад, я сейчас точно обижусь, – Вика отправила в рот последний кусочек салями.

Я молча поднялся, взял рюкзак, повесил его себе на плечо и внимательно осмотрелся в поисках места, где можно раздобыть чай.

– Оставь, – вздохнула Вика, – зачем ты берёшь рюкзак? Дай мне, пусть останется здесь, – показала рукой на край скамейки.

– Ну, нет, вдруг его украдут?

– Кому он нужен, что в нём такого ценного?

– Ничего, просто обычный рюкзак. Вещь теряет свою цену, как только ты понимаешь, что можешь купить такую же. Пока мы с тобой не можем позволить себе такую роскошь. Планы другие.

– Ладно.

Кажется, все-таки обиделась...

К счастью, недалеко от нас была ярмарка выходного дня. В последние годы их организуют московские префектуры. Туда я и отправился, и быстро вернулся с кофе для себя и с чаем для Вики.

– Ты все ещё обижена на меня? – я поставил перед ней стакан горячего чая и свой кофе рядом.

– Когда ты перестанешь выводить меня из себя?

Я подошел ближе, погладил её волосы, не в силах больше смотреть на расстроенное лицо.

– Малышка, – говорю я, – это был последний раз, больше не повторится.

Если бы я сам верил в то, что говорил...

– Честно? – она посмотрела на меня и носом ткнулась мне в живот. Я сделал глубокий вдох, смотря на нее сверху вниз.

– Джавад...

– Ну, не обижайся, – я обнимаю ее, прижимая к себе, – подумай о нашей дочке. Как она шевелится, толкается у тебя в животе... Главное, мы же её очень скоро увидим, представляешь? Она будет твоей копией, только в уменьшенном виде. Что может быть важнее и приятнее этого? А ты обижаешься на каждое мое слово...

– Уменьшенная копия? Это ты намекаешь на то, что я толстая?

– Ну что ты говоришь? Что за глупости? Ты совсем не толстая, просто вас двое. – Чуть отодвинувшись, я присел напротив. – Я всегда просил у Бога, чтобы послал мне жену-красавицу, вот он и подарил мне тебя. Чтобы волосы были длинные, густые, чтобы она могла сесть на свои волосы... Когда впервые увидел тебя, понял, что Бог меня услышал. Помню, лет в двенадцать молился о том, чтобы моя жена была красивая, красивее всех в мире. Бабушка это услышала и, дождавшись конца молитвы, позвала меня к себе и сказала: «Джавад, молись лучше о том, чтобы твоя жена была мудрая (я-то не знал тогда, что означает слово „мудрая“), с красивыми женщинами слишком хлопотно. Пусть она будет простая, зато никогда не испортится. Такие женщины всегда довольны своей судьбой и никогда не будут сохнуть по бриллиантам. Красивая женщина – это бездонное ведро, которое ты никогда не наполнишь».

Я согласился с ней, хоть и не очень понял, о чем она говорит.

– Послушай, твоя бабушка действительно очень мудрая, – она глотнула уже остывшего чая, – даже удивительно, столько мудрости в одном человеке...

– Так ей уже больше ста лет...

Вика расплылась в улыбке и сладко зевнула. Я расправил плед и уложил ее к себе на колени.

– Поспите, мои милые девочки, – ласково сказал я и прикрыл Вику своей курткой. Она уснула, прикрыв глаза длинными густыми ресницами. Я смотрел на ее безмятежное прекрасное лицо и вспоминал нашу первую встречу, молился в душе и благодарил за счастье, которым наградил меня Господь.

Стояла ранняя осень. Теплая, золотая. Был непоздний вечер. Я прогуливался по центральным улицам Москвы. В Камергерском, у МХАТа толпился народ перед началом спектакля. Вдруг я увидел девушку, которая стояла немного в стороне и смущенно держала поднятую руку с билетом. Лицо девушки меня поразило: большие ярко-голубые глаза под темными густыми ресницами, тонкий изгиб бровей, высокий чистый лоб и длинные, русые косы, спадающие на тугую грудь.

Несколько мгновений я в оцепенении смотрел на нее. Внезапно я заметил, что кто-то направился к девушке и, интересуясь билетом, сорвался с места и стремительно бросился к ней, доставая деньги.

– У вас лишний билет?! – громко спросил я.

– Да... Подруга моя заболела, – как бы оправдываясь, объяснила девушка.

Даже не узнав, какой сегодня спектакль, я расплатился с прекрасной незнакомкой и уже не отходил от нее.

Мы прошли в зал, заняли места в середине партера. Какое-то время, пока не поднялся занавес, сидели молча. Потом, набравшись смелости, спросил:

– А что мы будем смотреть?

– «Три сестры» Чехова, – тихо, с улыбкой, сказала она, обнажив ровный ряд прелестных зубов. Я не очень внимательно следил за тем, что происходило на сцене. Вместо этого, осторожно повернувшись к сидевшей возле меня девушке, я любовался ее изящным профилем, следил за каждым ее движением.

В антракте я пригласил ее в буфет, но она вежливо отказалась.

– Тогда давайте познакомимся. Меня зовут Джавад.

– А меня – Виктория. Можно просто Вика. Вы работаете или учитесь? – поинтересовалась моя новая знакомая.

– Я работаю. У меня маленький бизнес.

– А у меня сегодня необыкновенный день. Я в первый раз вышла на работу. Начался мой трудовой стаж.

– Кто же вы по профессии?

– Детский врач.

Все оставшееся время, пока мы находились в театре (после мы признались друг другу в этом), каждый думал о случайном знакомстве, но в глубине души чувствовал, что оно вовсе не случайное, именно так сводит людей судьба.

Виктория без кокетства разрешила проводить ее. Жила она на Большой Никитинской, и мы направились к Тверскому бульвару. Разговор наш не умолкал ни на минуту. Нам было интересно знать друг о друге абсолютно все. Я рассказал о своем маленьком красивом городе в Азербайджане, где я родился, ходил в школу, о любви к книгам, о своей семье.

– Какой вы счастливый! – проникновенно сказала она. А вот у меня нет семьи... Вообще никого из близких людей.

– Как так? – удивился я.

– Вот так, – вздохнула Виктория и надолго замолчала. Я робко взял ее под руку. Она не отстранилась.

– Вы мне очень понравились ... Я хотел бы стать вашим другом. Но вы удивили меня предыдущими словами. Расскажите, как такое могло случиться?

– Начинать надо издалека...

– Начните! – убедительно попросил я.

– Ну, что ж, наберитесь терпения ... – она опять надолго замолчала, как бы собираясь с силами.

– Мама моя, Светлана Николаевна, родилась и росла на Кубани. Отец ее, мой дедушка, погиб в последние дни войны. Бабушка осталась вдовой с единственной дочкой. Мама, закончив десять классов, поехала в Москву и поступила в педагогический институт. Однажды к ним на студенческий вечер пришли выпускники военного училища. Среди них был мой папа. Он сразу приметил маму среди множества девушек, подошел к ней и пригласил на вальс. С того вечера они не расставались. Они были очень счастливы, особенно когда узнали о скором рождении ребёнка.

Виктория замолчала, медленно шагая рядом со мной.

– А что было потом? – осторожно спросил я.

– Началась афганская война. Папа получил приказ отправиться к месту военных действий. Мои родители жили в военном городке недалеко от Москвы, в двухкомнатной квартире. Когда у мамы подошел срок рожать, в часть пришло сообщение о гибели папы. Маме, естественно, ничего не сказали, опасаясь за её здоровье. Роды прошли благополучно. Меня, новорожденную, поместили в особый стерильный бокс. В палате же, где лежала мама, ночью случился пожар от короткого замыкания. Во сне, надышавшись угарным газом, она получила столь сильные ожоги, что спасти её не смогли. Вот так, с первого дня своей жизни, я стала круглой сиротой.

– Какая страшная трагедия, – только и смог промолвить я. И... и... что же с вами дальше было?

– Врачи всё сделали, чтобы я жила. А потом приехала бабушка. Она-то и вынянчила, и воспитала меня.

После первой нашей встречи мы стали почти неразлучными, виделись часто, как только были свободны, а уж звонили друг другу и вовсе постоянно. И скоро поняли, что мы одно целое – семья.

Моё блаженное состояние, унесшее меня в водоворот памяти, прервала Вика, которая проснулась. Взглянув на свои маленькие часики, удивилась:

– Так долго я спала? Помоги мне встать и давай собираться домой.

Собрав весь мусор в пакет, мы медленно пошли по широкой протоптанной дорожке к автобусной остановке.

Глава 9

Доносившийся с лестничной площадки стук каблучков становился с каждой минутой все громче и громче. Орхан нервно расхаживал по коридору, борясь со страхом. За все время знакомства с ней, той, которую он ждал сейчас, он так и не смог привыкнуть к тому, что она замужем. Что каждая их встреча может оказаться последней для него...

Через несколько минут Орхан услышал, как открылась и быстро закрылась дверь.

– Привет!

Он вскочил с места.

– Каждый раз, когда я тебя вижу, во мне будто все трепешет.

Обняв её, он невольно бросил взгляд на дверь.

– Закрыла, – сказала она.

– Как же я соскучился по тебе...

Прижавшись к нему, она почувствовала, как лихорадочно бьется его сердце.

– Что-то не так? – спросила она обеспокоенно.

– Все нормально, просто я всегда переживаю, когда жду тебя. Каждый раз как будто заново повторяется наша первая встреча, я переживаю всё снова и снова.

Отпустив ее, он дошёл до двери и дрожащей от волнения рукой проверил замок, затем на всякий случай посмотрел в дверной глазок.

– Закрыто, – сказал он и вытер вспотевший лоб. – Тебя никто не видел? Здесь очень много любопытных соседей.

– Кажется, никто не видел.

Она сняла плащ и повесила на вешалку в коридоре.

– Кажется? Или все-таки там был кто-то? Не надо догадок...

В глазах Орхана отразился страх, сердце учащённо забилося.

– Тебя никто не видел, когда ты поднималась?

Наргиз, улыбаясь, стояла прямо перед ним, широкая и плотная, ее круглое и гладкое лицо было похоже на яблоко, глаза сверкали, как агаты.

– Это очень важно! Говори правду! – продолжал допрос Орхан.

– Говорю же, никого не было, – улыбаясь, успокоила его Наргиз.

Она сняла туфли и аккуратно поставила их рядом со шкафом, надела домашние тапочки.

– Вот теперь хорошо. Ноги болят...

– Ты такая спокойная...

– Я всегда такая. Расслабься, дорогой, там никого не было.

На лице Орхана появилась улыбка, и он, успокоенный, сел на диван.

– Сладкая моя... – проговорил он, смотря на нее. – Как чудесно, что ты пришла ко мне, я так ждал нашей встречи!

– Это было непросто, – ответила Наргиз и села рядом с Орханом, шутливо толкнув его бедром.

– Ты должна остаться со мной на ночь! – требовательно сказал он, крепко обнимая ее за талию и прижимая к себе. – Ты просто чудо... Ты моя красавица, – задыхаясь, шептал он ей на ухо, – я не могу поверить, что вновь вижу тебя...

Орхан стал жадно целовать ее.

– Не надо, – отворачивалась Наргиз. – Подожди! Какой ты нетерпеливый, ну подожди немного...

– Чего ждать-то? – он с трудом оторвался от нее.

– Давай поговорим сначала. Откуда такое нетерпение? Неужели тебя не угостили ночные бабочки Стамбула? Говорят, их там очень много...

– Конечно, нет! Что ты такое говоришь? Я тебе не изменяю!

В порыве страсти он вскочил с дивана.

– Как ты можешь такое говорить, даже думать об этом? – Он постучал указательным пальцем по виску. – Ну как?

– Могу. – Она посмотрела на него в упор и повторила: – Ещё как могу. Ты же в курсе, что я давно мечтаю побывать там?

– В курсе.

– Тогда почему ты полетел в Стамбул один, без меня?

– Это была деловая поездка, пойми ты, наконец! Я все время езжу в Стамбул по делам, я даже отель взял трёхзвездочный, чтобы сэкономить. Просто для того, чтобы было, где спать... Я с нетерпением ждал нашей встречи... Все время мечтал о том, чтобы ты оказалась рядом со мной, в моих объятиях...

– Правда?

– Правдивее не бывает. Но ты ведь замужем. Что бы ты мужу сказала, если бы уехала со мной? «Я лечу в Стамбул со своим любовником?»

Он испытующе посмотрел на нее.

На лице Наргиз появилась довольная улыбка, она утвердительно кивнула.

– Ты прав, – сказала она, – но проблема не в этом. Дело в другом... – Расскажешь? Я сейчас приду.

Орхан вышел в коридор, убрал ее туфли в шкаф. Затем прошёл в ванную и открыл кран. Тёплая вода потекла в раковину. Тщательно помыв руки, он принялся рассматривать в зеркале своё лицо. Большие глаза, длинный и острый нос. На подбородке небольшой шрам. Убедившись, что руки чистые, он снял с крючка халат, вышел из ванной и, войдя в комнату, бросил халат на диван и сел.

– Ну, в чем дело? – заговорил он, нервно постукивая ладонью по колену.

– Ты за все это время ни разу не предложил мне поехать куда-нибудь вместе, а я так ждала...

– Наргиз, мы с тобой оба понимаем, что это невозможно, уже говорил тебе. В нашей ситуации я не могу тебе это предложить, зная, что не смогу выполнить. Не люблю пустословия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.